

Андрей Небов

Как Россия стала чемпионом мира по футболу

Книга - мечта
для российского болельщика

12+

Андрей Небов

**Как Россия стала
чемпионом мира по футболу**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Небов А.

Как Россия стала чемпионом мира по футболу / А. Небов —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

Россия. Футбол... Кто в нашей стране не знает про эту игру? И кто, отчаявшись за долгие годы, не спрашивал себя — когда же наконец?! Мы победим... И как? Что же должно произойти, чтобы мы в едином порыве вскинули руки с криком: «Я дожил до этого дня!»? Эта книга — не методическое пособие. Не рецепт и не сухая инструкция. Это — грандиозное приключение вымышленной сборной России по футболу накануне и во время чемпионата мира 2018 года. Это фантастическая история, замешанная на реальных слагаемых успеха — труд, великий тренер, преодоление себя и... немножко чуда. Эта книга — воплощение мечты миллионов о команде, которая овладела наукой побеждать. Дополнительные материалы к книге <https://vk.com/id537963083>.

Содержание

От автора	5
Часть первая. Остров	6
На дне. Будем работать	6
Миша	11
Lerakon	15
Дорога на сборы	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

От автора

Эта книга была задумана до чемпионата мира 2018 года в России. В городах кипела работа по благоустройству. На пустых площадях и аллеях ничего не выдавало будущие многочисленные фан-зоны.

На Никольской улице шла размеренная столичная жизнь. Страна еще не видела, как Артем Дзюба отдает честь, прикладывая руку к голове. Еще не взметнулась вверх нога Игоря Акинфеева... Не «провалились» немцы и аргентинцы. И счастливые французы еще не катались с Кубком мира по мокрой лужниковской траве.

Чемпионат прошел... А Мечта увидеть там, на вершине, не французов, не немцев, не бразильцев, а нас, наших парней! Осталась. Наша долгая, многострадальная, заветная Мечта.

И я подумал – пусть они живут рядом, Мечта и жизнь. Сказка и реальность. И стремятся друг к другу. Может быть, когда-нибудь, они и встретятся...

И еще. Несмотря на то, что данная книга целиком посвящена всем известной и любимой команде, автор, ни в коем случае, не искал аналогии, и не черпал вдохновения в личной и публичной жизни реальных людей.

Ни один из действующих или бывших игроков и тренеров сборной России по футболу не является прототипом героя. Все персонажи полностью вымышлены. Их характеры, слова, поступки и жизненные обстоятельства – абсолютная фантазия. И любое совпадение – просто случайность.

Часть первая. Остров

На дне. Будем работать

Товарищеский матч. Россия – Франция, май 2018 года.

Из комментария трансляции по ТВ:

«... и вновь неточный пас Кропотова. Ну, что же это такое? Сколько же можно? Флери перехватывает мяч, быстрый пас Треуму. Треум прорывается между нашими защитниками, удар!... Гол... Ноль два. И восемьдесят девятая минута на табло.

А мы даже не можем организовать какую-нибудь сносную атаку. Опять очередной безадресный навес... и Луис без труда забирает мяч.

Финальный свисток.

Наши футболисты аплодируют трибунам. Но, честно сказать, учитывая ту игру, что мы увидели сегодня, да и в предыдущих матчах... Как-то не очень трогает за душу это прощание.

Что ж, на этом мы заканчиваем. С вами был комментатор Иван Васильев.

Через месяц чемпионат мира в России. И давайте любить футбол, несмотря ни на что».

Из обзоров прессы:

Италия:

«А Россия?... Россия опять ничего не показала. Ожидаемый и безоговорочный проигрыш. Натужная игра. В момент, когда надо собраться и проявить свои лучшие качества – какой-то безыдейный стопор и закономерный итог».

Франция:

«Хотелось бы просто из гуманистических соображений сказать: «жаль русских». Но произнести это – значит погрешить против правды и футбола. С такой игрой России трудно что-то предъявить футбольному миру, который привычно ждет скорости, напора и высокой техники. Увы, но России, раз за разом, не удается создать команду, которая не то, чтобы выиграла что-то серьезное, а хотя бы оставила какой-то заметный след о себе».

Германия:

«Серьезные промахи в обороне русские с лихвой компенсировали бездарной игрой в атаке. Когда при счете 0:1 Коннова, наконец, вывели на убойную позицию, из множества вариантов закончить ситуацию голом, он почему-то выбрал простой удар выше ворот.

Вздых на трибуне был такой, что его, наверное, услышали на другой стороне города.

В который раз в решающий момент на русских нападает приступ какой-то одной им известной меланхолии, рецепт от которой, по-видимому, до сих пор не найден. Что ж, надо искать. А пока, удачи, Россия. Большой тебе удачи».

Из послематчевых интервью:

Семен Кропотов, защитник, капитан сборной России

«Игра сегодня не сложилась. Сразу как-то не пошло. Пропустили быстрый гол. Французы переиграли нас в центре поля. **Будем разбираться**».

Петр Кирсанов, полузащитник

«Сегодня у нас было очень много брака. Передачи не проходили. Не знаю почему... Французы этим воспользовались. **Будем работать**».

Василий Орлов, полузащитник

«Франция есть Франция. Очень сильный соперник. Они держали нить игры. Владели инициативой. А у нас, практически, ничего не получилось. **Постараемся проанализировать свои ошибки**».

Михаил Коннов, нападающий

«Моменты у нас были. Подвела реализация... Да... Я тоже не попал в хорошей ситуации. Что будем делать?... **Будем работать**».

Россия:

«Когда после увиденной игры я сел за эту статью для газеты, первой мыслью было просто достать из архива файл с текстом, который ваш покорный слуга писал про прошлый матч сборной, или позапрошлый, или пятилетней давности, или десяти, какая разница!

Скопировать, изменить кое-где фамилии, минуты и все! Можно отдавать в набор. И не надо ничего выдумывать. Поражения у нас всегда одни и те же. Та же вечная серость, беспомощность и инертность.

Описывать все это в подробностях? Мучительно больно. Искать причины и выход? Еще больнее. И надоело. Безнадега...

Впереди чемпионат мира. Наверное, остается только мечтать...»

На самом краю высокого отвесного утеса стоял человек и внимательно смотрел на море в подозрную трубу.

Сухенький старичок, по виду лет семидесяти, невысокого роста, жилистый, ни грамма жира, на лице морщинки. Небольшая копна седых волос на голове. Острые веселые глаза с быстрым цепким взглядом. Одет просто – белая, нараспашку, рубаша с широкими рукавами и ажурным большим воротником, черные узкие штаны. На шее завязан платок.

День клонился к закату. На море был полный штиль. Прибой тихо шуршал о прибрежные камни, на которых сидели чайки и о чем-то шумно переговаривались между собой.

Старик опустил трубу и, подняв голову, перевел взгляд на безоблачное голубое небо.

– Пора... – сказал он сам себе. – *Alea iacta est*. Жребий брошен.

Затем резко развернулся и пошел куда-то быстрыми, уверенными шагами.

В тот же миг на безграничной, уходящей за горизонт, глади, появились маленькие волны, потом больше, еще больше, вода потемнела, запестрела «барашками». И через некоторое время, не смотря на ясное, солнечное небо, на море начался настоящий шторм.

А старик, даже не обернувшись, пересек лужайку с выцветшей от солнца травой, прошагал по тропинке мимо соснового леса, и вышел к совершенно неожиданному для такого места объекту.

Небольшой стадион. По бокам трибуны рядов в пять. Футбольное поле с аккуратно стриженным газоном, воротами, беговой дорожкой и прожекторами с четырех сторон.

Все здесь было как-то так, да не так. Удивительно.

Вдоль левой бровки возвышалась бетонная стена, покрытая неизвестным материалом, напоминающим или очень мягкий пластик, или даже бархат. Поперек поля по центральной линии была вырыта траншея сантиметров тридцать шириной, как будто туда собирались положить водопроводную трубу.

По всему правому краю вровень с газоном зачем-то была вкопана длинная металлическая рельса. В штрафной площади стояла загадочное сооружение с торчащими ввысь металлическими опорами. В центре – не менее странная конструкция на колесах, похожая на автомобильную раму.

От каждого из этих объектов, а также от стены, из траншеи, от ворот, под землю аккуратно уходили провода и выныривали толстым пучком на первом ряду трибуны, где было оборудовано что-то вроде командного пункта – стол, на нем несколько мониторов и большой компьютер. Рядом висел огромный телевизионный экран.

Кругом были разложены разной величины коробки. Тут и там расставлены какие-то пульта, датчики и индикаторы.

Посреди всего этого «ландшафтного дизайна» вечером, под светом прожекторов, суетился мужичок. За пятьдесят, среднего роста, кряжистый. Простое крестьянское лицо с осторожными глазами дополняли густые усы. А шаровары и стоптанные сапоги на ногах делали его довольно колоритным персонажем «времен очаковских и покоренья Крыма».

Он держал в руках баллончик с краской и задумчиво таращился на поле.

Старик ничего ему не сказал, молча подошел к столу и занялся весьма странным делом. Разулся, и на одну ногу одел новенькую футбольную бутсу. Вторую оставил босой. А сам стал по очереди доставать из разложенных перед ним квадратных коробок мячи. Несильно пинал каждый мяч ногой в бутсе и тут же впивался внимательным взглядом в монитор компьютера. Потом брал следующий.

Вдруг он отложил свое занятие и обрушился на компаньона:

– Ну, где же ты красную линию ведешь, убогий? Сказал же тебе, надо здесь, на фланге, а ты, наоборот, по фрунту! Голова-то есть у тебя на плечах, Прошка?

Мужик вздрогнул и перестал рисовать линию на траве в центре поля. Он поставил баллон и отозвался усталым раздраженным голосом:

– А шут его разберет, где тут надо!

– А чертеж на что? Даром, что ли, рисовали?!

Проخور, кряхтя, поднял с газона большой лист бумаги, и, уставившись в него, начал причитать.

– Напридумывал окопесицы всякой. Не сиделось ему. Не накомандовался. Полезу куда не звали...

Старик пнул очередной мяч и быстро пошел на поле в одной бутсе.

– Опять?! Опять заладил нытье свое?

Судя по всему, в данной компании, он был главным. Командный голос. Осанка.

– Ай, ладно... Как дите малое... – ничуть не испугавшись, равнодушно махнул рукой Прошка и потянулся за краской.

Но дед повернул его к себе и срывающимся голосом начал:

– Пойми ты, наконец! Как же я могу сидеть, когда такое! Это ж стыд один! Позор! Душа болит!

На это у Прохора был железный аргумент.

– Не выйдет ничего у тебя! Говорю, не выйдет! Бестолковые...

Старик отреагировал эмоционально.

– Сам ты бестолковый! Не виноваты они. Порядка нет. Разгильдяйство одно кругом. Да корысть! Ничего не изменилось. А беспорядок, он, прежде всего, здесь.

И он энергично постучал пальцем по лбу. А потом, положив руку на грудь в область сердца, добавил:

– И здесь. Враг одолевает...

Однако, и Прошка не уступал:

– А ты, кабудто, свалился тут на них и порядок наведешь? Нужен ты им! У них и без тебя полно забот, да хлопот.

– А как же?! Чай, я разбираюсь маленько в таких делах. Не впервой. Veni, vidi, vici! Пришел, увидел, победил! – вскинув руку, с искренним удовольствием, ответил дед.

Потом улыбнулся и похлопал своего оппонента по плечу.

– Все, Проша. Все. Поздно нюни распускать. Теперь, уж, брат, иль грудь в крестах, иль голова в кустах!

И принялся ходить по полю, инспектируя свое творение, быстро перебегая от одного сооружения к другому.

Прохор крикнул ему вдогонку:

– В какой-то книжке твоей недавно слово прочитал мудреное. У-топия! Фантазии, значит, одне...

Откуда-то с другого конца площадки донеслось:

– Не зли меня, Прохор! Не доводи до греха. Не те слова ты в книжках читаешь! Линию черти! Как следует! А то я тебя...

Прохор промолчал и нехотя принялся за работу.

Часа через три старик распорядился:

– Ладно. Готово все, слава Богу. Пошли в дом.

А еще через некоторое время он уже сидел в небольшой комнатке и, при свете настольной лампы, склонившись, что-то быстро писал в тетради. Вдруг дверь без стука открылась и в комнату по-хозяйски вошел Прохор.

– Отвару тебе принес. От живота. Небось, опять мучаешься. Пей, – он деловито поставил на стол дымящийся стакан.

– Чаю бы, Проша. Черного... – жалобно, как ребенок, заныл старик.

– Опосля чай. Сначала отвару. И еще вот, гляди, что я взял.

Он вышел и, спустя несколько секунд, вернулся, аккуратно держа в руках белый генеральский мундир, какие можно увидеть только в музеях какого-нибудь XVIII века и на портретах двухсотлетней давности. Длинный ряд сверкающих золоченых пуговиц, высокий, расшитый узором, стоячий воротник. Через правое плечо – атласные ленты разных цветов.

И ордена! Большие, маленькие, ромбом, крестом, восьмиугольником...

Старик моментально изменился в лице.

– Чего это ты приволок? – с раздражением спросил он.

– А как же? – довольно ответил Прохор. – Всеш-таки, самого императора Франца подарок. И награды все тут, как на подбор. Андрей Первозванный, Святой Георгий, Анна...

Он заботливо трогал каждый орден и расправлял ленты.

Дедок подошел, скрестил руки и внимательно уставился на мундир.

– Австрийский... – задумчиво произнес он.

– А я и наш захватил. Русский. Преображенский.

Старик взорвался.

– Ты в конец ополоумел, что ли?! На кой они мне здесь?!

– А что ты в исподнем будешь ходить?! – с таким же напором набросился на него Прохор.

– Да нешто ты, дурья башка, думаешь, что я здесь в генеральском кафтане и с фельдмаршальским жезлом буду разгуливать?! Вези все назад! Немедля!

Прохор оторопел.

– Как назад?! Прямо совсем назад? Туда?... – и он неуверенно показал пальцем вверх.

– Туда, туда. Куда же еще? Не в шкафу же прятать.

– И треуголку отвезть? И ботфорты? А ежели дождь?

– Вези, говорю тебе, не мешкай. Послал же Бог денщика! Тебе дай волю, ты бы и коня сюда приволок!

Прохор опустил глаза, вздохнул и побрел к двери.

– О-хо-хо. Отг... неугомонный. Что удумал, что удумал! Ей-Богу, простота хуже воровства. Не поймет никак, кончилось время-то твое. Кончилось.

И уже, закрыв дверь, тихо добавил:

– Святая простота, ты, Алексан Василич...

Миша

Михаил Коннов, нападающий сборной России

Я ехал за рулем по ночному Варшавскому шоссе после игры с Францией. Настроение у меня было ни плохое, ни хорошее. Так... Никакое.

Ладно хоть матч был в Москве, думал я тогда. Не надо в аэропорт, в самолет. Спасибо, Панфилов после игры разборов не устраивал. Панфилов – это главный тренер сборной, если кто не знает. Сдержался еле-еле. Отдыхайте, говорит. Потом разберемся.

И вот, я уже в машине. Пробок сейчас нет. Можно притопить. Музыка. Пятнадцать динамиков, как-никак, в «мерсе». Расслабон.

И хорошо, что перерыв в чемпионате России. Я играю за... Впрочем, вы сами знаете. Один из наших топ-клубов. Москва.

Еще только май. А я без замен – и в Лиге Европы, и десять матчей по России, и за сборную. И по ноге мне дали. Честно признаться, достало все.

Ах, ах, скажете вы. Страдалец. Поглядите, на него. Они, значит, опять проиграли бездарно. Он с трех метров не забил. (Как я не попал?! Сам не знаю...). А теперь его все достало. И даже не расстраивается. Волосы не рвет, локти не кусает. Катается на «Мерседесе».

Да расстраиваюсь я, расстраиваюсь... Успокойтесь.

А куда ты едешь, дорогой, на ночь глядя, после поражения, а? В ночной клуб, поди? Кальян курить? Виски? Да?... Даааа. Конечно. У нас же, у футболистов, так принято. Мы же, все без исключения, стройными рядами, как проиграем – сразу в кабак.

Сказал бы я вам...

А ехал я, между прочим, к родителям. Потому что у мамы сегодня день рождения. Естественно, до игры я выбраться не мог. Только ночью получилось. У них дом тут в пригороде. Дом, конечно, я купил. Когда пошли серьезные контракты в премьер-лиге. А до этого в «однушке» жили, пока я в академии учился. Вообще-то я из Омска...

Зазвонил телефон. Это Лера, жена моя. Уже третий звонок. Я опять трубку не взял. Пусть помучается. Будет знать, как такое вытворять.

Скажите мне, пожалуйста. Когда вы встречаетесь с родителями, вы все рассказываете про свою жизнь, работу? В деталях? Как вы там, не знаю, учили, лечили, строили, сколько договоров заключили, сколько чего продали? Нет, ведь? Вас спрашивают, «как дела на работе?». И вы отвечаете – «нормально». И все. Опуская, что вы не выполнили план, ошиблись в расчетах, что начальник на вас наорал и лишил премии и прочие «радостные» подробности.

А, вот, я так не могу! То, как я работаю, показывают два десятка телекамер. И даже если я, извините, высморкался на поле, это видит вся страна.

И я, е-мое!, не могу сказать отцу, что у меня все нормально на работе, после того, как я в матче с Францией на глазах у всего мира влупил из вратарской выше ворот!

Когда я приехал, гости уже разошлись. Мама была нарядная, красивая и очень встревоженная. Она начала прямо на крыльце, не обращая внимания на цветы и подарок:

– Почему ты один?! В чем дело? Где Лера?! Она обзвонилась, искала тебя.

– Я не заезжал за ней домой.

– Почему?

Я вздохнул и промолчал. Дальше последовал ожидаемый материнский вопрос всех времен и народов:

– Вы что, поссорились?!

На крыльцо вышел отец и с ухмылкой буркнул:

– Когда успели-то? С утра все нормально было. Вы же и не виделись.

Ах, папа, папа. Сейчас чтобы поссориться, не обязательно видеться и разговаривать. Достаточно зайти в интернет.

Мама продолжала сыпать вопросами «что произошло?», но вмешался глава семьи:

– Ладно, не лезь. Разберутся. Никуда твоя Лера не денется. Пошли в дом.

Я зашел и сердце у меня упало. За пустым столом сидел сосед дядя Витя. И, судя по всему, давно. Так что, он уже нехило «раскрепостился».

Конечно, когда мы покупали этот дом, я серьезно лажанулся. Маме так понравилось это место, эти сосенки, что я совершенно не подумал про соседей. Нет, соседи хорошие. Все приличные, все нормально. Но если вы профессионал, играющий на высшем уровне, выбирайте такое жилье, чтобы вокруг вас были люди, которые интересуются охотой, рыбалкой, скачками, разгадыванием sudoku или, на худой конец, выпиливанием лобзиком. Но только не футболом.

Это сложно. Особенно в нашей стране, где все разбираются в этой игре. И готовы в любой момент встать с дивана и выйти вместо меня на поле, чтобы показать «как это делается». И все-таки надо искать. Здоровее будете.

Виктор Алексеевич, дядя Витя, полковник в отставке, был одним из немногих друзей моих родителей, после того, как они переехали в Москву. И, к моему несчастью, страстным футбольным болельщиком. Будучи уверенным в себе сангвиником по жизни и бывшим военным по сути, каждый раз при встрече со мной, он требовал четкого и ясного ответа на простой, незамысловатый вопрос – «почему вы проиграли?».

Вот и в этот раз он дипломатично дал мне сесть за стол, поздравить маму и поесть. Но, как только я отложил вилку, приступил:

– Миша, ну как же так?...

Бутылка коньяка стояла почти пустая, и я понял, что «вечер будет томным».

– Виктор! Не начинай, – как орлица расправила крылья над своим птенцом мама.

– Да, Витька. Не трогай ты его. Сейчас начнется. Дай хоть в день рождения посидеть спокойно, – поддержал ее отец.

Куда там...

– Нет, Оля, я же не со зла, – уведомил он всех заплетающимся языком. – Я же к Мишке, как к родному. Я просто понять хочу...

– Ну, что?! Что ты хочешь понять?! Их и без тебя уже замучили. Пресс-конференции, интервью, всем объясни! – продолжала защищать меня мама.

– Я же не этот... тевили... телеви... зионщик, – не унимался «полковник». – Но пусть он объяснит! Мне. Что не так-то?! Миша, ведь опять нас порвали! Что у них, французов этих, руки-ноги другие? Испанцы, бельгийцы. Вооот такусенькая Исландия. Все могут. А у нас никак! Почему?!!!

Сдерживая себя, я ответил:

– Вы же военный, дядя Вить. Почему одна армия проигрывает другой?

Он чуть оторопел.

– Как почему? Вооружение лучше, обеспечение, промышленность, наука. Генштаб, планирование, хх...омандиры. Вза-имо-действие родов войск. И солдаты, солдаты лучше! Наши...

– Вот. Видите? – сказал я. – Сколько перечислили. Пальцев не хватит.

– Что «видите»? – переспросил сосед и икнул. – Обеспечивают вас, дай Бог! Базы современные, тренажеры. Медицина. Зимой в Турцию, или еще не знай куда!

Он взял рюмку и опрокинул в себя коньяк.

– В академиях учат с детства. Плохо учат, что ли? Денег платят – куры не клюют! Че надо-то?

Отец встал, обхватил его под руки и начал выволакивать из-за стола.

– Все, Вить, пойдем. Домой пора.

Дядя Витя поднялся и нетвердой походкой пошел к двери. Потом остановился и обернулся на меня:

– Вы что, правда, ничего не хотите, что ли? Ничего не надо вам?

Оххх... Заткните уши. Не могу я это переносить спокойно! Почему?! Почему все повторяют эту дебильную фразу – «они ничего не хотят»?!!! Идет решающий матч. Ты весь в борьбе. В поту. Глаза на выкате, язык на плече. Рядом бьются твои товарищи. Трибуны орут, тренер орет. Весь мир смотрит. А ты такой: «Что-то мне неохота... Зачем мне все это? У меня и так бабла немерено. Пропущу я его, пусть забивает нам. Ударю по воротам кое-как, мне все равно – попаду или нет».

Так, что ли, по-вашему?!

Я хочу добиться успеха в каждом матче. Футбол – моя жизнь. Короткая, между прочим. И у меня времени особо нет. Я хочу выигрывать. И все хотят. Сколько чемпионатов мира придется на мой век? Хорошо, если два. И я хочу стать... Ладно... Распалился...

Я не знаю, почему мы проигрываем. Нет, наверное, знаю, конечно. Но все очень сложно. Или, блин, наоборот, очень просто.

Не знаю! Жизнь такая! Такой футбол у нас.

Я не выдержал и заорал:

– Надо, надо! Все нам надо!

Виктор вырвался из рук отца, подошел ко мне, присел рядом и произнес жалостливым, разочарованным тоном:

– Тогда, что же? Мы хуже их всех, да?

– Не хуже, не хуже, – ответил я просто, чтобы ответить.

Он обрадовался и обнял меня.

– Честно?! Не хуже? Чемпионат будет – всех порвем?

– Порвем, – чуть слышно прошептал я.

– Обещаешь?

– Хватит, Виктор! – закричала на него мама.

Вот, что сказать? Да, выпил. Да, башню сорвало. Но не чужой человек. Не с улицы. Не пошлешь куда подальше.

– Мы постараемся, – ответил я.

Дядя Витя долго смотрел на меня замутненным взглядом. Потом встал, похлопал по плечу и молча побрел восвояси.

Отец проводил его до дома и, вернувшись, тоже обратился ко мне:

– Раз уж Витя все это разворошил... Как дела-то в сборной? Все нормально? А то ведь через месяц уже...

Этого безобидного замечания хватило, чтобы окончательно сбить меня с каната душевного равновесия, на котором я пытался удержаться весь вечер.

– И ты туда же?! Мне вполне Виктора хватило.

– Ладно. Не хочешь – не говори. Понимаю.

– Нормально все. Готовимся. Отрабатываем связки. Сегодня с Темировым работали. Пап, лучше ты объясни мне. Ты опять сам копал огород?

Дело в том, что отношения моих любимых родителей с сельским хозяйством вызывали у меня раздражение и два недоуменных вопроса: во-первых, зачем они вообще что-то сажают, копают, поливают и таскают с места на место? Вместо того чтобы наслаждаться жизнью в шезлонге на лужайке. А во-вторых, почему все это надо делать вручную?

– Миш, а почему с Темировым? Что с Зиновьевым?

– Панфилов считает, что он не в форме. «Отцепят» его от сборной. Слушай! Я купил тебе хороший дорогой культиватор и мотоблок. Тебе проложили полив. А ты, как крепостной, горбатись с лопатой, надрывая здоровье. Где логика?!

– Капельным поливом я пользуюсь. Спасибо. Жалко Зиновьева.

– Я не понимаю, у нас что, денег нет на картошку?

Я – поздний ребенок. И мама с папой у меня совсем не молоды. Так вот, я из сыновних чувств честно хотел избавить родителя от тяжелого физического труда. А он – ни в какую. Я даже в свое время поругался с Лерой, которая сказала, что я «швыряю деньги на ветер».

Так мы долго пререкались. Я, наверное, в конце концов, передал и кончилось это тем, что он на меня обиделся и холодным тоном сказал:

– Достаточно! Раскричался тут! Командир. Богатый он! А как люди-то живут без этих культиваторов и автоматического полива? Что мне лечь и лежать?! Я по вечерам в рестораны не хожу. И на Мальдивы не летаю.

И он вышел из комнаты.

Мама вздохнула и какое-то время мы сидели молча. Моя мама – музыкант. И легко играет Рахманинова на фортепиано. А когда она берет гитару и начинает петь, люди замолкают, как на концерте. Мама до сих пор преподает в музыкальной школе. И если вас когда-нибудь попросят показать человека, который не интересуется футболом, можете смело спорить на любые деньги и вести его к ней.

Я тоже могу сыграть на пианино гамму одним пальцем, если мне напомнят, где находится нота «до». Мама говорила, что у меня есть слух и, в свое время, даже пыталась чему-то учить, но спорт отнял меня у нее в раннем детстве. И она давно признала поражение. Она искренне верит в мой союз с футболом, но, считает его опасным, ненадежным, не смотря на все доходы, которые он приносит. И, как любая мать, волнуется, чтобы он вдруг не треснул, разрушив все вокруг.

– Миша, дорогой. Ты очень нервный. Послушай, у всех бывают кризисы. Вопрос только в том, как сам человек...

– Мам, пожалуйста! Мне двадцать шесть лет. У меня нет никакого кризиса. У меня все хорошо, – я вскочил и вышел из-за стола.

– У меня есть работа. Я играю за одну из лучших команд России и за сборную. Я – чемпион страны. Третий в списке бомбардиров. Меня в Европе знают. Немножко. У меня жена, отличные друзья и со здоровьем все в порядке.

– Миша, про сборную все говорят. Ругают. Ты живешь на вулкане. Я очень переживаю за тебя...

– Мама, я играю, практически, с детского сада. И меня всегда то хвалят, то ругают. Это правила игры. Я привык.

В общем я ее как-то успокоил и, хмуро пообещав обязательно помириться с Леркой, поехал домой.

Ага... Помирился.

Lerakon

От родителей возвращался среди ночи. Не гнал. Потому что домой не очень хотелось. Настроение совсем испортилось.

Да. Да. Да. У меня тоже большая дорогая квартира в крутом жилом комплексе. Что теперь? Ну, давайте. Выговоритесь, все, что думаете про меня. Я подожду.

У нас, как это, «двор без машин». Только подземная парковка. Вышел, скоростной лифт и поехали. А что, прикольно. На улице, действительно, ни одной тачки. И детишкам есть где поиграть, и не страшно, что под колеса попадет.

У нас, правда, с Лерой детей нет... Почему? Не знаю. Вроде, все нормально... Просто... Да, ладно.

Лера, конечно, не спала. Она стояла в холле, скрестив руки и, облокотившись на стену. Приготовилась к бою. Никаких прозрачных пеньюаров, лосин, шортов. Запахнутый по самую шею длинный шелковый халат в пол. Ни одного участка голого тела врагу! Презрительный взгляд амазонки.

Что мне всегда нравилось в ней, так это, что она не занималась всякой фигней, типа, «я с тобой не разговариваю». Потому что со мной все равно получится, как в анекдоте – придется через час выходить с плакатом «а знаешь, почему?». Она – сразу в атаку. Раз, два, три...

– Миша, а правда говорят, что все футболисты – придурки?

Вот, значит, как ты решила начать. Эта фраза уходит корнями в историю нашего знакомства, и поэтому требует пояснения. А знакомство наше было такое романтическое, круче не придумаешь. Хоть фильм снимай.

Мне было двадцать лет. Я играл за второй состав своего клуба, и об основе и премьер-лиге только мечтал. Матчи наши проходили на небольшом учебном стадионе и собирали такое же количество зрителей, в большинстве своем, родственников и друзей игроков. Они усаживались стайками на сиденья, расположенные достаточно близко к полю. И в этой домашней, уютной тишине смотрели, как мы гоняем с каким-нибудь очередным «химпромгазлесом».

Я не помню, с кем тогда играли, но мы проиграли. Я стоял на самой бровке и финальный свисток прозвучал в момент, когда мне шла верховая передача. От расстроенных чувств, от обиды поражения, я со всей дури треснул ногой по мячу, рассчитывая, что он улетит куда-то в облака. Но вместо этого случайно запустил его на трибуны и попал прямо в лицо молодой девушке, которая поднималась с кресла в первом ряду. Она упала.

Я схватился за голову. Удар-то был не хилый.

– Ты чо, дурак?! – заорал мне Денис, как его... забыл уж... Ершов.

А судья вообще подбежал с выпученными глазами, обматерил меня и показал красную карточку, хотя время матча уже кончилось.

Я, как ошпаренный, помчался на трибуну. Простите, извините...

В общем, что долго рассказывать. Девочка оказалась подружкой подруги этого Дениса, который их и пригласил. Они были на футболе первый раз в жизни. И я достойно представил неискушенной публике свой вид спорта. Развернул, так сказать, товар... в лицо.

Вечером того же дня меня подкараулил ее брат. И поскольку он занимался борьбой, а я футболом, у меня по итогам встречи был синяк под глазом, а у него нет. Также я узнал, что ее положили в больницу с подозрением на сотрясение мозга. И на следующий день отправился туда с цветами, апельсинами, конфетами и разукрашенной физиономией.

В суматохе на стадионе я даже толком ее не разглядел. Но это и не потребовалось. Из трех человек в палате я безошибочно определил свою «жертву». Никакого сотрясения, как потом выяснилось, у нее не было. Зато ее украшал огромный фингал на пол-лица. Надо отдать

мне должное. Ее синяк был намного больше, переливался всеми цветами радуги и выглядел гораздо красочнее моего.

Так мы стояли и светили друг на друга своими «фонарями», пока она не улыбнулась и не сказала:

– Вот и встретились два одиночества. Скажите, а правда говорят, что все футболисты – придурки?

Я огляделся и ответил:

– Не все. Но некоторые – точно.

Мы женаты пять лет. Синяки давно прошли и ее брат Артем – один из моих самых близких друзей. Лера умна и очень красива. У нее точеная фигура. И пронзительные бездонные глаза. Она легко учится и имеет два образования. Университетский диплом по социологии и эм би эй. А кроме того, театральная школа, курсы хореографии, макияжа. Как там у Барто, «кружок по фото»? Она реально увлекается фотографией. Мама без ума от Леры, потому что она вполне сносно умеет играть на пианино. В компании она может поддержать любой разговор: от перспектив курса доллара до критики идей иррационализма в творчестве Артура Шопенгауэра.

В общем, все говорят, что мне повезло с женой.

Лера – мотор, машина. Но, мне иногда кажется, что она стала ехать не вперед, а по кругу. И круги сужаются. С какого-то момента ее уверенность начала превращаться в самоуверенность, знания в надменность, целеустремленность в упрямство, принципиальность в цинизм, чувство юмора в пошлость, а красота... нет, она, конечно, не исчезла, а просто как-то расплескалась в бесконечных селфи с губами бантиком.

И меня стало это раздражать. Мы стали часто как-то беспросветно ссориться. А сегодня она конкретно накосячила.

– Ты зачем выложила пост в соцсети у Нинели?

– Какой пост?

– Такой. У Нинели. Жены Параллельного.

Параллельный – это Сашка Громов. Футболист. Мой хороший знакомый. Его так прозвали, потому что он, когда прыгает за верховым мячом, прикольно вытягивает руки по струнке вниз и прижимает к телу. Вроде, все так делают, но у него получается очень стремно, будто подпрыгнул шкаф с двумя дверцами.

Две недели назад Громов заключил контракт с... Нет. Не буду говорить, с кем. Но раньше он играл за московский клуб, а теперь уехал... в провинцию, в общем. У него жена, Нинель, которую Лера прекрасно знает. Она написала в интернете о своем переезде, а моя Лера тут же поспешила высказаться. У нее ник – lerakon, типа Лера Коннова. Он ей очень нравится, и я иногда даже так ее называю.

– Вот этот! – я достал телефон и сунул под нос благоверной.

ninelchanel Я уже так привыкла к Москве 🌟 К этой насыщенной жизни. К вам, мои дорогие друзья. Я буду очень скучать 😊 Но такова футбольная жизнь. Иду за мужем 👫 Надеюсь, в новом клубе у него все получится. Я буду приезжать. Не забывают! ❤️❤️

Ierakon Нинельчик, держись и не скучай. Очень понимаю тебя. После стольких лет - уехать из Москвы 📖 Это подвиг 🔥 Ты действительно идешь за мужем, как Екатерина Трубецкая.

Надеюсь, что ссылка твоя не продлится долго. И вы скоро вернетесь 🏠 BACK Выкладывай фотки где живете, как устроились.

– И что, из-за этого ты кинул меня и не взял на день рождения матери? – совершенно не смутившись, и даже с «наездом», ответила Лера, протягивая мне телефон.

– Ты комменты посмотри!

Народ у нас добрый, душевный, страсть, как интересующийся всем происходящим вокруг и, к тому же, с обостренным классовым чутьем. Поэтому сразу под Леркиным постом запестрели комментарии:

– «конечно, для нее все, что за МКАДом – ссылка»

– «бедные! где же они у нас в «деревне» будут бабло-то свое тратить?!»

– «видите, что для них страна, Россия, народ, если они быстрее-быстрее от этой страны хотят спрятаться внутри Садового кольца?»

– «тупая зажравшаяся курица», «фарфоровая голова».

Все это тут же разлетелось по сети и понеслось. Дальше – больше. «Потерявшая берега от бабла, подстилка», «обнаглевшая московская шлюха».

Досталось и мне. «Как твой Мишаня играет, так вас обоих надо действительно сослать в сибирь на разгрузочку уголочка», «семейка – у мужа деревянные ноги кривые и глаз косой, а у жены одни понты и язык без костей».

Я же говорю, душевные люди.

Лера покраснела от злости.

– Твою жену поливают последними словами! А ты, вместо того, чтобы заступиться, сам на меня наезжаешь?!

– А что я должен, на дуэль их всех вызвать?!

– Мог бы тоже написать, чтоб заткнулись, идиоты!

У человека диплом по социологии. Нет, правда говорят, «на всякого мудреца довольно простоты». Я заорал:

– То есть мало того, что ты сама влезла в это говно, так и я должен за тобой прыгнуть, что ли?! Какая ссылка из Москвы?! Какая Трубецкая?!¹ Че тебя дернуло?! Зачем ты все это написала?!

– Это просто метафора! Аллегория! И вообще, это моя личная жизнь! Я это написала подруге! Которой сейчас тяжело!

– Метафора?! Подруге?! Это прочитали тысячи людей! Сотни тысяч! Пресс-секретарь сборной покрутил мне пальцем у виска, звонили из клуба и просили передать тебе привет за «улучшение имиджа»! Ты подставила всех: Нинель, Сашку, себя, меня, сборную! Всех! После Франции половина вопросов ко мне было «почему вы опять проиграли?», а половина – «как вы прокомментируете пост вашей жены?»!

Если бы в этот момент она остановилась, то, возможно, не сразу, но как-то бы улеглось. Но она не остановилась:

– И что?! Тебя выгонят из сборной теперь? Или из клуба? Ты – ведущий игрок! Что ты кипешишь?! Чего ты разорался на меня? Из-за поста, в котором я посочувствовала девочке, уехавшей из Москвы?

Я просто взбесился.

– Слушай ты, леракон, безбашенный! Ты реально потеряла берега! Ты уже круче всех! Никто тебе не указ! Ты оборзела! Это я – ведущий игрок! Я! А не ты! Дура!

– Дура?! Так может ты в своем величии перерос меня? Может ты поищешь себе умную?

– И поищу. Мало ли...

Лерка ахнула. На глазах появились слезы. Она повернулась, ушла в свою комнату и появилась через пятнадцать минут, уже без слез, полностью одетая и с сумкой. Встала в дверях и заговорила:

– Да будет тебе известно, дорогой мой, Миша, что даже сильные женщины очень быстро впитывают стиль жизни и ценности своих мужчин. Конечно, которых любят. Если бы ты был монах, возможно, и я бы была монашкой. Но ты – далеко не монах. Так что, когда ты меня обвиняешь, посмотри в зеркало. Увидишь, с кого я беру пример. Ты раньше тоже был другой. Совсем. Я всегда шла за тобой, помогала тебе и росла вместе с тобой. А ты – просто предатель.

Потом открыла входную дверь и ушла.

Через некоторое время я встал с дивана, действительно, подошел к зеркалу и прислушался к себе. Матч с Францией я провалил, чего, уж, там, говорить. И вообще в сборной все сложно. Обидел отца. В хлам разругался с Леркой, хотя и был прав. И этот ее пост, точно, еще потреплет мне нервы.

Все это плохо. Но хуже всего было то, что на днях я случайно узнал, что клуб мой родной ведет переговоры о покупке за большие деньги Жилберта Моту из Португалии. И, якобы, все «на мази».

Моту – крутой игрок. Очень крутой. И он играет на моей позиции. Двенадцать голов в чемпионате Португалии. Двенадцать... А значит, как говорится, могут быть варианты. И то, что я на самом деле дергался из-за трансфера Моту, а не из-за мамы, папы, Леры, сборной, и ничего не мог с собой поделать – вот, это действительно было плохо.

Через месяц чемпионат мира. Завтра мы уезжаем на последние предстартовые сборы.

Так, примерно, обстояли дела, когда началась вся эта история...

¹ Жена князя Сергея Петровича Трубецкого, одного из лидеров восстания декабристов в России в 1825 году. По указу императора Николая I смертный приговор Трубецкому был заменен на каторжные работы. Жена последовала за ним в Сибирь, не смотря на уговоры императорской семьи.

Дорога на сборы

– Что-то не нравится мне все это... Странно все как-то, – серьезным голосом сказал Сема. Сема – это Семен Кропотов. Заслуженный человек. Авторитет. Капитан сборной России по футболу. Тоже играет за московский клуб, являющийся принципиальным противником моего. Барабанная дробь! И мой самый лучший друг. Да, так вышло в жизни. Монтекки, Капулетти.

Заявление Семы имело под собой основания. Мне тоже все происходящее казалось странным. Вот, спросите меня: а где он тебе это сказал? И я отвечу – на палубе небольшого, но вполне себе комфортабельного прогулочного корабля, который, под шум волн, рассекал воды Эгейского моря.

«Какого такого моря?! Как вас туда занесло?! Вы же на сборы поехали?» – скажете вы. «А всем известно, что сборы у России перед чемпионатом мира в Австрии, в Нойштифте. У вас должны быть горы и луга альпийские».

Так, вот именно! И я про то.

И вдруг в Новогорске, прямо перед отъездом, Панфилов, держа в руках какую-то бумагу и не скрывая раздражения, объявил:

– Значит так. Не успели уехать – уже проблемы. Появилась срочная информация, что вчера в Альпах, в районе нашего Нойштифта, впервые за сто двадцать лет..., читаю дословно, «зафиксировано значительно превышающее норму движение ледника Штубай»! Вроде как, тронулся и остановился. Но есть угроза схода. В общем, черный уровень опасности. Всех эвакуируют. Мы туда не можем ехать.

Ничего себе!

А едем мы, выясняется, в Грецию, где оперативно, непонятно откуда, нарисовался какой-то неплохой вариант. С федерацией согласовано. Условия отличные. Климат супер. Цены приемлемые. Нас там ждут – не дождутся. Времени нет. Визы, паспорта, чартер, все готово. Вперед!

Чудеса! О-кей, в Грецию, так в Грецию. Мы – люди подневольные. Главное, чтобы там на поле ям не было и еду готовить самим не пришлось. А так, какая разница.

Но, оказалось, что это было только начало.

Летели мы не в Афины, и не в Салоники, и даже не на Крит, как кто-то мог подумать, а на остров Санторини. Прекрасное место, но причем здесь футбол? Еще в самолете Кирсанов спросил Панфилова:

– Иван Игнатич, что же база-то так близко? Подальше нельзя было? Мыс Доброй Надежды, Магелланов пролив, например...

На что тренер хмуро и, как всегда, кратко ответил:

– База не на Санторини. Там еще плыть надо на корабле.

– Плыть?!!!

Мы, вообще, «выпали в осадок».

Наконец, приземлились. Санторини... Залюбуешься. Мы с Леркой были здесь и влюбились в эти понатыканные друг на друга игрушечные белые домики и синие купола невысоких церквей. Жить здесь, конечно, я бы не смог. Я человек цивилизации. Но пару дней побродить по этим узким улочкам, поразглядывать расписные сувениры в бесконечных лавках – это с удовольствием. А потом с чашкой горячего кофе сидеть и смотреть с высоты на уютную бухту с синим-синим морем, и на огромные океанские лайнеры, высотой с Москва-Сити... Ну, пару дней, не больше.

Единственное, что смущало – это погода. В принципе, было солнечно, но на море штормило. Даже очень.

Прямо у самолета нас встретил и, как мы поняли, должен был сопроводить на базу, какой-то престарелый усатый грек, который больше походил на рязанского мужика из старых фильмов про колхозы. Он был одет в нелепые черные шаровары с лампасом и белую рубаху с жилеткой. На голове косо сидел тюрбан с кисточкой. И огромные темные очки от солнца.

– Гуд дэй! Гуд дэй! Здрав-ствуй-те! Велком! О-чень ждали!... – понес этот «пенсионер» какую-то чушь.

Мне он сразу не понравился. Не то, чтобы лично, просто если бы он на местном рынке торговал апельсинами, было бы понятно. Но такой гид!... Сразу задумаешься об уровне организации.

Что тут же и подтвердилось.

Этот клоун отвез нас на автобусе в порт и, когда мы вышли, стал суетливо пересчитывать, буквально, «по головам».

– Ван, ту, фри...

А потом растерянно объявил:

– Проблем... Ту мэни. Слишком много. Корабль не уместиться...

Круто!

Нас, игроков, было, как и положено, двадцать три человека, плюс тренерский штаб, врачи и так далее.

– То есть как это, «не уместиться»? У нас в заявке все прописано! Вы что, читать не умеете? – начал наезжать на него наш администратор. Грек принялся извиняться на ломаном русском языке:

– Форс-мажор... не готовиться... еще вчера не знать... быстро-быстро, еле успевать... Не волнуйся! Один момент решим!

В результате, охая и причитая, он кое-как распишал игроков, то есть нас, со всем багажом на корабль, а тренерский штаб и сопровождение – на два больших катера. А потом, довольный собой, с гордостью закричал:

– Фсе о-кэй! Ноу проблем!

Панфилов только поморщился, плюнул, что-то там сказал сам себе, и залез в катер.

На удивление, на борту корабля не было ни одного матроса. Поэтому грек сам убрал мостки, отдал швартовы, а потом залез в рубку и встал за штурвал. Экономия. Везде экономия... И мы отчалили. Волна была ощутимая.

– Эй, византиец! – обратился к нему Кирсанов. – Долго идти-то?

– Полчас, полчас, – затараторил тот в ответ. Типа, недолго.

Но когда мы вышли из бухты в открытое море, стало понятно, что не все так просто. Здесь был ветер и какое-то серовато-нехорошее небо. А волна была уже не только ощутимая, а конкретно большая. И если наш кораблик, хотя и покачиваясь, шел уверенно, то катера сзади «колбасило не по-детски». Мы с тревогой сбежались на корму и стали наблюдать, как они прыгают по гребням, собирая на себя огромные брызги.

Грек снизил ход и принялся что-то по-своему кричать в рацию. Затем катера развернулись и пошли назад по направлению к бухте. А наш «лайнер» пошел вперед. Мы бросились в рубку.

– Это че?! Почему они возвращаются?! – закричал Темиров, показывая рукой назад.

Грек, путая русские и английские слова, начал суматошно объяснять:

– Биг волна! Вери биг. Катер денжерос! Опасно!

Он махнул в сторону уходящих катеров и добавил:

– Зей тумороу. Завтра придут!

– А мы че премся без них? Разворачивай! Тоже завтра пойдем!

– Мы – ноу денжерос! Нет опасность! Нельзя тумороу! Корабль тудэй платить! Только сегодня! Донт ворри. Не волнуйся. Дойдем.

Он постучал ладонью по приборной панели, как бы демонстрируя надежность своего судна. Олень!

Кропотов достал телефон и принялся звонить Панфилову.

– Связи нет, – объявил он через некоторое время. И, оглядевшись по сторонам, процедил сквозь зубы:

– Ладно, идем одни.

– Ну, не переносу я качку, – прошипел, схватившись за рот, молодой Степа Прутков, быстро побежал в сторону палубы и перегнулся через релинги. Все посмотрели на него тупыми глазами.

Мы стояли офигевшие и заторможенные. Вместо зеленой лужайки привычного Нойш-тифта, горничных в тирольских шляпках, и джакузи с видом на Альпы, сборная России по футболу плыла в шторм где-то по середине Эгейского моря с безмозглым греком-капитаном в тюбетейке с кисточкой на башке, хрен знает куда, без связи, да еще и без тренера и штаба. Ну... ващеес!

Минут через пятнадцать обстановка за бортом немного улучшилась. Качало по-прежнему неслабо, но, по крайней мере, небо стало голубым. На горизонте появились очертания какой-то суши.

Грек заорал из рубки, показывая в даль:

– Айленд! Остров! База. Тен минитс!

По мере приближения, стало понятно, что это действительно «айленд». Причем маленький. Каких, наверное, десятки в гряде Кикладских островов. Яркое солнце заиграло в прибрежных волнах, появились говорливые чайки.

И вот, в этот момент Семен сказал тревожным голосом:

– Что-то не нравится мне все это... Странно все как-то.

Семен – мужик «кремень». Серьезный. Лишнего не говорит. И такой... реалист. В облаках не витает. И другим не дает. Например, мне. Он относится к жизни настороженно и не хочет от нее манны небесной. Но свое, то, что он считает справедливо заслужил «кровью и потом», будет защищать до конца. Справедливость, вообще – его второе «я». Кем быть в команде такому человеку? Естественно, центральным защитником. И капитаном.

Мы стояли на палубе небольшой кучкой.

– Действительно, непонятки какие-то. За всю жизнь – такое в первый раз. Корабли, острова... Кто все это придумал? – задумчиво отозвался я.

– Ладно, хоть не утопли. А то был бы номер. Потонули бы тут в полном составе. С запасными и вратарями.

Это Петр Кирсанов. Кирсан. Этот не из столицы. Ростов. Полузащита. Он – наоборот. Потрындеть, приколы. Лерка моя сказала про него: «как Хлестаков – легкость жизни необыкновенная». Во-во. И еще самомнение. Заметили, он только что сказал «с запасными»? Зачем он это ляпнул? А потому что он – в основе. И ему непременно надо это отметить. Нет, Кирсан, в целом, ничего, нормальный. И играет неплохо, забивает иногда. Но со своими «тараканами в голове». Только вы не подумайте, ради команды, я – рот на замок, эмоции в кулак.

– Потонули бы, так полстраны обрадовалось. Народные гуляния устроили бы.

Вася. Ну, что ты опять?! Вася Орлов. Питер. Это наш мозг. Центральная зона. Как с таким меланхоличным характером можно было пробиться в большой футбол?! Ума не приложу! Именно поэтому к нему не прилипла кличка «Орел». «Вася» ему больше подходит. Но в игре, скажу вам, если он в форме и настроении, если у него прет, из ослика Иа превращается в

Шерлока Холмса. Поле видит, все читает на лету. Через него у нас все идет. А сколько я голов забил с его передач. И еще – просто хороший человек. Все Васю любят. И я тоже.

– Я бы не утонул. Чего тут плыть? Фигня, – бодро возразил Темиров.

Асан Темиров. Тоже Питер. Д'Артаньян. Двадцать лет. Нападение, как и я. Молодой, горячий, талантливый, врать не буду, но неопытный. «Мы хотим всем рекордам наши звонкие дать имена». Когда сборная играет совсем уж в одного нападающего, Панфилов выпускает меня, а Асан сидит на скамейке. Но ведет себя правильно. Никаких понтов, обид и зависти. Молодец. Тем более, он может играть и атакующего полузащитника, так что бывает, мы оказываемся на поле вдвоем.

Семен разозлился.

– Чего вы все несете? Потонул – не потонул! Пургу какую-то гоните! Я об этом, что ли? Странно, говорю, все как-то! Там ледник, здесь шторм. Панфилов уплыл. Заморочено больно!

– Вот именно – поддержал его Голенкин. – После всех этих заморочек пожрать бы неплохо. Вздремнуть.

Голенкин. Москва. Средняя линия, больше к обороне. Обладатель самого экзотического имени во всей команде – Гавриил. Гаврила. Сколько было приколов из-за имени его. «Забыл Гаврила о футболе, Гаврила выпить не дурак». Нет! Нет! Ничего такого, конечно... Это Кирсан придумал, естественно. Голенкин у нас – парень простой, добродушный, открытый. И играет также. Он высокий, здоровый. Как попрет по флангу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.